

А. Г. Мусанов, И. А. Плосков (*Сыктывкар*)

Легендарная чудь в фольклоре и топонимических преданиях

Этнонимический термин чудь широко представлен в фольклорных материалах и топонимических преданиях. Под этим именем подразумевается древнее население неизвестной этнической принадлежности, обитавшее на громадных территориях Европейского Севера.

Коми писатель и ученый И. А. Куратов в свое время обратил внимание на некоторую неопределенность семантики известного европейским исследователям слова чудь. Он писал: «Так будто бы назывался народ, некогда населявший северные страны Европы и Азии. О чуди остались предания у всех народов северо-европейских и северо-азиатских» [Куратов 1933: 117]. Языковед Г. С. Лыткин в «Русско-зырянском словаре» (составленном по рукописному словарю XIX века Н. П. Попова) также отмечал: «Чудак (чудь) (странный, чужой) – шензяна, мёд муысь воан йӧз», «странные иноземцы, пришельцы»; но им же, впрочем, как древнее население, упоминались «чуча», «чудь» [Лыткин 1931: 352]. В различных фольклорных и литературных материалах отобразились соответствующие коми топонимы: Чудопольской деревня; Чуд кар и т.д. [Рочев 1984: 149-152; Архив 1: 49-50, 60; Архив 2: 10-11].

В данном контексте закономерно интересны и коми-зырянский, и коми-пермяцкий материалы о чуди [Кривошекова-Гантман 1974: 136-137]. Коми фольклорист Ю. Г. Рочев также указал наличие «этнического термина» в различных коми преданиях о чуди. Исследователем, к примеру, отмечалось: «...Предания о чуди, убегающей от христианизации, обычно рассказываются в связи с местной микротопонимией» [Рочев 1984а: 8-10; 16-32].

А. А. Спицын в свое время писал: «Указание, что зюздинские пермяки называют себя чудью, имеет большую цену...»; авторам отмечено: «...Дальнейшие исследования разьяснят, какую именно народность из числа сохранившихся можно считать потомками чуди, но и теперь представляется довольно вероятным, что потомками ее придется признать пермякочырянское племя, в Вятской губернии ... живущее в верховьях Камы и по

Летке»; исследователь, впрочем, также отмечает, что «с именем чуди в истории тесно связано имя болгар» [Спицын 1888: 45046].

Отмечались, к примеру, что «чучканы» – нерусское, а также «дорусское» население Северного Прикамья (На путях из земли Пермской в Сибирь: 21); ср. Чуча из упоминаемого словаря Г. С. Лыткина. Следует, очевидно, здесь иметь в виду и название старинного удмуртского рода – Шудзя и др. [Архив I: 52-53]. Как уже отмечалось, в русских (вятских) источниках фигурировали варианты: чудь/чудя (ср. также приведенное выше – чудак и др.) Исследователь удмуртской ономастики А. Г. Атаманов писал: «Чудна. Возможна связь с этнонимом чудь (см. Чудья). Северноудмуртский род ... Чудья ~ Шудья в материалах ранних переписей – Шудья ~ Чудья. Происхождение удмуртского рода и его названия, вероятно, связаны с летописной полупоэтической народностью – чудь, заселявшей некогда территорию от Балтики до Урала» [Атаманов 1988: 41-42]. Также отмечается явное выявление «воршудно-родового» объединения Чудья [Атаманов 1988: 45]. Удмуртские примеры, составляя отдельный раздел, по мнению исследователей, тем не менее также восходят к архаическим временам связанным как-то с этим именем. Указывается, что чудь сродни различным финно-угорским народам [Матвеев 1992: 98-99; Низов 1997: 178].

В архивных материалах, в частности, в рукописях П. Доронина, упоминаются коми топонимы – «Чудь кар», «Чудь кар нёрыс», «Чудь кар мыльк»; отмечаются ими древние городища (кар) [Архив 2: 10-11]. Среди современных топонимических материалов также зафиксированы названия, содержащие в своем составе термин чудь. В основном такие этнопонимы распространены на территориях бассейнов рек Вычегды, например, Чудью, левый приток Вишерв; Чудьты, оз. (Руч); Чуйднюр, бол. (Коквицы); Чудьгуяг, бор (Важкурья) и т.д.; Мезени, например, Чудзимнёрыс, возвыш. (Латьюга); Ижмы, например, Чудьшор, правый приток Ижмы; Чудью, левый приток Усы; Лузы, например, Чудьяг, бор (Обьячево) и т.д. В целом, указанные этнонимические названия на чудь совпадают с субстратными названиями прибалтийско-финского происхождения.

В литературе, как уже отмечалось, также упоминается о соответствующих «чудских городищах» в Прикамье и т.д. [Спицын 1888: 42-43; На путях из Земли Пермской в Сибирь: 41]. Традиционное предание топонимического характера, к примеру, было записано и приведено в свое время К. Ф. Жаковым, и посвящено оно городищу «Кар-мыльк» (связанному с чудью): «Кар-мыльк – холм на реке Нишере, в четырех верстах от села Вишеры, когда ходят по этому холму, раздаётся звон, потому-то зыряне утверждают, что внутри его зарыты чудские ... с их вещами. Невдалеке чудские могилы.... Вечерами видели крестьяне ...чудскую девушку в старом, нетеперешнем костюме. Там же указываются борозды в лесу, как чудские поля...» [К вопросу: 8-9].

Коми фольклорный материал, как отмечалось, интересен и для исследователей коми топонимии, и некоторые предания изобилуют

микротопонимами. В ряде случаев фольклористы (П. Г. Доронин, Ф. В. Плесовский, Ю. Г. Рочев и другие) так или иначе уделяли внимание соответствующей, достаточно своеобразной микротопонимии. Среди трех групп преданий о чуди Ю. Г. Рочев выделял все-таки предания «о крещении древних коми-чуди Стефаном Пермским» (XIV в.), при этом отмечается, что «сюжеты о самогребении чуди в специально выкопанных ямах являются наиболее популярными в фольклоре коми-зырян», и далее: «Местные жители, как правило, точно указывают местонахождение этих ям» [Рочев 1984а: 8-10; 1984б: 150]. Иногда чудь, по замечаниям Ю. Г. Рочева, описываются «как жители леса, боящиеся людей и не желающие вступить в контакт с ними» [Рочев 1984: 150, ср. также приведенные материалы по ССКЗД].

О предании, повествующем о девушке-чудинке, названном «Чудь мыльк» (Чудской холм), в котором объясняется происхождение названия Нившера (от Нывшор), фольклористом Ю. Г. Рочевым, записавшим его в Корткеросском районе, отмечено: «Топонимическое предание, связанное с чудью-язычниками, жившими в ямах, часть которых бежала в леса от христианизации»; в фольклорных произведениях, преданиях, к примеру, приводилось название урочища, находящегося около с. Богородск – Кармыльк (Холм-городище), напоминающее соответствующий топоним из предания К. Ф. Жакова; отмечались «Чудопольской деревня» – сыктывдинская деревня Чудопольская; озеро Чодöпи и др. [Рочев 1984б: 150; см. также «Коми легенды и предания: 23-26].

В «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» приводятся слова «чуд л.скр.сс. чудь вв. (Крч.) – чудь, народ, живший, по преданию, на территории Коми края до прихода туда зырян; чуд кодь скр. чудь кодь вв. (Крч.) – нелюдимый, дикий, боязливый, чуд гу скр. –чудские ямы, могилы» [ССКЗД: 418]. Интересны соответствующие слова чудзчыны иж. – испугаться, напугаться; чудоен вв. – в прятки играть [ССКЗД: 102, 418]; чуйд иж. пугало [ССКЗД: 418].

Н. Добротворский, как отмечалось, писал о «чуди» как «о злых колдунах» (см. выше). И. Н. Смирнов в некоторых работах упоминал о «пермских» рассказах «о чудаках» – «крепких карликах» (как видим, «этническое» значение здесь стерто); он также отмечал: «Что такое представляют собой чуды, остается невыясненным. По имени можно было бы предположить, что это духи старых чудаков, освободившихся временно из другого мира. У пермяков чуддэз означает и Чуда, как духа, и Чудака, Чучкаго – древнейшего обитателя края» [Смирнов 1891: 75, 282-283].

Примечательна соответствующая семантика, связанная с архаическими воззрениями, а также с упоминаемым материалом преданий о чуди (при наличии в коми языке слов чудь, чуд и т.д.). Уже указывалось на некоторые трансформации и возможность соответствующего отображения в преданиях (Чучка и др.). Возможен выход и на марийский языковой и фольклорный материал. К примеру, В. А. Аккорин отметил: «Во многих марийских

преданиях и легендах жившие в прошлом по Вятке коми-пермяки известны под названием Тютя, Тўча, которое соответствует Чучке, бытовавшему среди обрусевших коми Кировской области» [Аксорин 19790: 118-119].

Ю. Г. Рочев отмечал одно из следующих значений слова чудь у коми – «представители потустороннего мира, мифологические существа»; «предания в этом случае сближаются с быличками» [Рочев 1989: 354-356]. По мнению современных исследователей, при противопоставлении стихийного и социального появлялись такие характеристики чуди, которые способствовали «процессу демонизации» [Лимеров 1997: 282-283]. Некоторые коми-пермяцкие фольклористы в современных работах также обращали внимание на то, что «привычное название «чудь» перевоплощается в мифическое «чуд» [Никитина 1997: 287-288]. Очевидно, в этом случае также соотносимы при всей сложности происхождения и упоминаемые слова – Чуд, Чуча (в основе своей заимствованные), и другие, вошедшие в фольклор, и, в частности, наличествующие в языке, в топонимии, в фольклорных произведениях пермских народов.

В частности, в различных фольклорных произведениях, в том числе – в ряде топонимических преданий, выявляется вытеснение достаточно устойчивых, традиционных легендарно-исторических образов персонажами с явной мифологической характеристикой, обрисовкой. Очевидно, подобные явления характерны и для упоминаемых фольклорных (финно-угорских) традиций, и они небезынтересны как для фольклористов, так и исследователей-языковедов. Ю. Г. Рочев выделял подобные предания в отдельную группу [Рочев 1984а: 8-10]. И далее, в репертуаре различных народов появляются не только чудь преданий, «мифическая» или «легендарная» чудь (к примеру, в произведениях, связанных с темой христианизации, или, по материалам XVIII века, сообщенным М.Чулковым, завоевания чуди «белым царем»), но и сказочно-мифологическая чудь (в сказочном творчестве). Так или иначе, сохранение этнонима в основном зависело от разновидности фольклорного произведения.

Соответственно указанным выше материалам и публикациям чудь как этноним традиционно проявляется в определенных, упоминаемых выше, преданиях; чудь, чуд – как этноним, при наличии некоторых мифологических черт имеет место во многих преданиях и легендах; также наименование мифологического персонажа – чуд – зафиксировано (как было отмечено выше) в рассказах-быличках; дополнительно следует отметить, что для исследователя коми языка и топонимии представляют интерес практически любые краткие упоминания о чуди, чудах, содержащие порой архаические сведения о семантике терминов; в некоторых случаях проявляются при этом те или иные семантические сдвиги (в рамках соответствующей фольклорной традиции).

Сокращения

Архив I – Статьи об обычаях, привычках вотяков, их языческих религиозных воззрениях, говоре и поговорах. – Государственный архив Кировской области, ф.170, оп.1, д.126.

Архив II – Историческая топонимика Коми. – Национальный архив Республики Коми, ф.1346, оп.1, д.48.

Великорусские сказки – Великорусские сказки Вятской губернии / сост. Д. К. Зеленин. – Петроград, 1915.

К вопросу – К вопросу о составе населения восточной части Вологодской губернии. Доклад К. Жакова. Оттиск из «Отчета деятельности Отделения Русского языка и словесности Императорской академии наук за 1907 г.». – СПб., 1908.

Коми легенды и предания – Коми легенды и предания / сост. Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар, 1984.

На путях из Земли Пермской в Сибирь – На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII-XX вв. / под ред. В. А. Александрова. – Москва, 1989.

Народы мира – Народы мира / под ред. Ю. В. Бромлея. – Москва, 1988.

Парма – Парма. – № 1-2. – Москва, 1993.

Старцев – Национальный архив Республики Коми, ф.961, оп.1, д.8.

Список литературы

Грибова, Л. С. Пермский звериный стиль / Л. С. Грибова. – М., 1975.

Добротворский, Н. Пермяки / Н. Добротворский // Вестник Европы. Т. 2. – СПб., 1883.

Кривошекова-Гантман, А. С. К проблеме пермской чуди / А. С. Кривошекова-Гантман // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. – Вып. I. – Пермь, 1974.

Куратов, И. А. Лингвистические работы. Т. 2. / И. А. Куратов. – Сыктывкар, 1939.

Лимеров, П. Ф. Гибель чуди как код космогенеза / П. Ф. Лимеров // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I Международной научно-практической конференции (Кудымкар, 26-27 мая 1995 года). – Кудымкар, 1997.

Лыткин, Г. С. Русско-зырянский словарь / Г. С. Лыткин. – Л., 1931.

Никитина, Л. А. «Чудь» и «чуды» в коми-пермяцких преданиях, легендах и быличках / Л. А. Никитина // Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы I Международной научно-практической (Кудымкар, 26-27 мая 1995 года). – Кудымкар, 1997.

Матвеев, А. К. Вверх по реке забвения / А. К. Матвеев. – Свердловск, 1992.

Низов, В. В. Биармия и вятская чудь / В. В. Низов // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи (к 120-летию Александра Лаврентьевича Витберга): материалы международного научного симпозиума. – Киров, 1997.

Пермистика XI:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

Рочев, Ю. Г. Введение / Ю. Г. Рочев // Коми легенды и предания. – Сыктывкар, 1984а.

Рочев, Ю. Г. Комментарии / Ю. Г. Рочев // Коми легенды и предания. – Сыктывкар, 1984б.

Рочев, Ю. Г. Национальная специфика коми преданий о чуди: материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т.1. / Ю. Г. Рочев. – М., 1989.

Смирнов, И. Н. Пермьяки / И. Н. Смирнов. – Казань, 1891.

Спицын, А. А. Местное и областное управление на Вятке до XVIII века. К истории вятских инородцев / А. А. Спицын. – Вятка, 1888.

Акцорин, В. А. О контакте марийцев с предками коми по данным легенд / В. А. Акцорин // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов (июнь 1979 г.). – Сыктывкар, 1979.

Атаманов, М. Г. Удмуртская ономастика / М. Г. Атаманов. – Ижевск, 1988.

Блинов, Н. Языческий культ вотяков / Н. Блинов. – Вятка, 1898.

Ванчиков, В. Искатели древностей / В. Ванчиков, Л. Сенникова // По родному краю. – Киров, 1991.